

УДК 343.1

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

© 2024 г. М. А. Малина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: bestar@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023 г.

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения нравственности и права в целом и в уголовном судопроизводстве в частности. Предлагается рассматривать нравственность как одно из начал права, а нравственное сознание – правосознания, и на этой основе формулируется вывод о том, что право и правосознание связаны не только сугубо юридически, но и в нравственном ключе. То есть они имеют общее нравственное основание, нравственную природу. Обосновывается подход, в соответствии с которым отечественная модель уголовного судопроизводства должна формироваться прежде всего с учетом моральных потребностей общества и личности. Нравственный аспект определяется в качестве системообразующей категории как для уголовно-процессуального права, так и для правосознания правоприменителя, что, в свою очередь, должно послужить повышению гарантий справедливого расследования и разрешения уголовных дел, достижению в уголовном процессе необходимого баланса публичного и частного интересов.

Ключевые слова: мораль, нравственность, нравственное сознание, право, правосознание, уголовное судопроизводство, доказывание, презумпция невиновности, правоприменение.

Цитирование: Малина М.А. Нравственные основания российского уголовного процесса // Государство и право. 2024. № 1. С. 141–146.

DOI: 10.31857/S1026945224010139

MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2024 M. A. Malina

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: bestar@yandex.ru

Received 03.07.2023

Abstract. The article explores the problem of the relationship between morality and law in general and in criminal proceedings in particular. It is proposed to consider morality as one of principles of law, and moral consciousness – legal awareness, and on this basis it is concluded that law and legal consciousness are connected not only purely legally, but also in a moral way. That is, they have a common moral foundation, moral nature. The approach is justified, according to which the domestic model of criminal proceedings should be formed primarily taking into account the moral needs of society and the individual. The moral aspect is defined as a system-forming category for both criminal procedure law and the law enforcement authority, which in turn should serve to improve the guarantees of a fair investigation and resolution of criminal cases, and to achieve the necessary balance of public and private interests in the criminal process.

Key words: morality, moral consciousness, law, legal consciousness, criminal proceedings, proof, presumption of innocence, law enforcement.

For citation: Malina, M.A. (2024). Moral foundations of Russian criminal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 141–146.

Право и нравственность — важнейшие регуляторы общественных отношений, от их правильного, гармоничного взаимодействия зависит развитие личности современного человека и совершенствование всего общества в целом. Проблемы соотношения морали и права, вопросы выявления и исследования путей нравственного обогащения российской правовой системы, повышения моральной ценности национального права находятся в фокусе внимания отечественных правоведов и не теряют своей актуальности. И это неудивительно, ведь идеи гуманизма, добра, уважения достоинства человека, социальной справедливости являются важнейшими основами, нравственными «несущими конструкциями» концепции правового государства.

Одной из ключевых задач в деле построения в России правового государства является реальное, действительное воплощение этих идей, этих нравственных феноменов в правовых отношениях и связях. Как метко указала Е.А. Лукашёва, «вся сфера действия права должна быть “пространством моральности”»¹. Только при таком подходе возможно развитие и совершенствование российского права и государства, усиление их гуманистической направленности.

Для успешного решения этой задачи в первую очередь следует ответить на два вопроса: что же такое нравственность? и каким должно быть ее соотношение с правом?

Само по себе понятие «нравственность» давно получило свою доктринальную разработку, но, как это нередко бывает в науке, мнения ученых о сущности и содержании этого феномена разделились. Достаточно активный этап в его исследовании отмечается в советский период развития нашей страны. В результате в учении о нравственности сформировалось несколько направлений научной мысли. На самом общем уровне кратко обозначим лишь основные идеи.

Согласно одной из распространенных в то время точек зрения, нравственность включает поведение человека, его поступки, взаимоотношения людей, это определенный вид идеологических общественных отношений². Полагаем, что поступки и поведение людей не следует рассматривать как содержание нравственности, это скорее предмет ее воздействия, область регулирования со стороны нравственных норм.

Еще одна точка зрения: нравственность представляет собой одну из форм общественного сознания³. То есть речь идет о совокупности представлений о том, что такое добро и что такое зло, что подлежит одобрению, а что должно подвергнуться осуждению и т.д. Это в большей степени явления сознания, т.е. нравственности придается субъективный характер. Схожие взгляды встречаются среди нынешних ученых: нравственность определяется как «индивидуальное социально-психологическое образование, как качество личности, которое лежит в основе саморегуляции и выбора поведения»⁴. По нашему мнению, под этим углом зрения нравственность сводится к такому понятию, как «нравственное сознание», отождествляется с ним, что не совсем оправдано.

¹ Лукашёва Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986. С. 4.

² См., напр.: Шишкин А.Ф., Шварцман К.А. XX век и моральные ценности человечества. М., 1967. С. 20.

³ См., напр.: Шердаков В.Н. Аксиология и этика. Тбилиси, 1967. С. 312; Архангельский Л.М. О характере морального сознания // Вопросы философии. 1964. № 5. С. 83.

⁴ Курпина Н.Г., Масленникова С.Ф. Современные подходы к содержательной разработке понятий «нравственность» и «мораль» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 77.

Следует подчеркнуть, что детальное исследование аргументов в пользу той или иной концепции нравственности лежит за рамками настоящего исследования. Поэтому обозначим лишь, что в качестве ответа на первый из поставленных выше вопросов нам наиболее близка точка зрения известного советского правоведа М.С. Строговича, отмечавшего, что нравственность — это определенная система объективно существующих в обществе социальных норм, которые регулируют поведение граждан, их поступки, взаимоотношения. Это «нормы, правила поведения, которыми руководствуются люди и которые служат критериями оценки их поступков с точки зрения добра и зла, достоинства и порока, справедливости и несправедливости и т.д.»⁵.

При этом с понятием нравственности неразрывно связан феномен нравственного сознания⁶. Это мировоззрение, взгляды, убеждения, образ мыслей, идеи о добре и зле, о правильном и неправильном, о честном и бесчестном, о справедливом и несправедливом. Если нравственность относится к объективно выраженным явлениям, то нравственное сознание представляет собой категорию субъективного характера. При этом нравственное сознание и нравственность находятся в отношениях взаимообусловленности, взаимного влияния друг на друга: с одной стороны, нравственные нормы во многом определяют вектор развития нравственного сознания реализующего их субъекта, а с другой — нравственное сознание выступает фактором формирования нравственных норм и мотивирующей к их соблюдению силой.

В отношении второго вопроса — о соотношении нравственности и права — предлагаем следующий подход. Их взаимодействие следует рассмотреть в телеологическом аспекте, ведь в конечном счете всегда важно понимать, в чем же основная цель тех или иных правил, к чему должно приводить их выполнение. Нравственные нормы призывают к правильному выбору в своих поступках, в своем поведении в обществе: это решение дихотомии добра и зла в пользу добра; справедливости и несправедливости — в пользу справедливости; правды и лжи — в пользу правды и т.д. По большому счету в этом же направлении действует и право, цели здесь те же.

Эта телеологическая, а также аксиологическая связь морали и права имеет принципиальное значение. С известной долей условности она позволяет рассматривать их как категории рода и вида соответственно. Остановимся на этой мысли более подробно. Социальный контекст действия нравственных норм намного шире, чем норм правовых. Здесь и общественные отношения в сфере искусства, спорта, здесь и медицина, ноосфера, наконец, такие личные человеческие отношения, как дружба, любовь. Этот список можно продолжить, но ясно, что все эти области обнимаются нравственностью.

В правовой же сфере нравственность важна и востребована если не в большей, то уж точно в не меньшей степени. При этом она имеет здесь свою специфику — в большинстве случаев помимо прямого действия правил морали предусмотрено включение, имплементация соответствующих нравственных начал в нормы правовые. Таким образом, телеологический и аксиологический аспекты нравственного регулирования общественных отношений применительно к правовой сфере в целом не изменяются, но сами правила получают регламентацию, упорядочиваются, их соблюдение и исполнение обеспечивается мерами государственного принуждения. Нравственность словно пропитывает собой правовые нормы, последние становятся ее проводником в особой сфере

⁵ Строгович М.С. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 7.

⁶ См.: там же. С. 9.

общественных отношений — отношений, подлежащих правовому регулированию.

Почему же важно при этом посмотреть на данные феномены в предложенном ключе — как на категории рода и вида? Представляется, что, несмотря на всю абстрактность этого приема, он имеет важное методологическое значение. Как было отмечено выше, нравственность неразрывно связана с нравственным сознанием. Тогда последнее, ввиду своей генетической привязанности к родовой категории, должно найти свое отражение и в преломлении к виду, т.е. в правовой сфере. Ясно, что уже со своей спецификой. Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, как нравственность проявляется в правовых нормах и является одной из прочных основ права, так нравственное сознание находит свое отражение в правосознании, коррелирует с ним. Более того, на абстрактном уровне нравственное сознание и правосознание могут также рассматриваться как категории рода и вида соответственно.

Во-вторых, поскольку нравственность можно рассматривать как одно из коренных начал права, а нравственное сознание — правосознания, то право и правосознание связаны не только в юридико-технической плоскости, но и в нравственном ключе. То есть они имеют еще и общую нравственную привязку или, если угодно, нравственную природу.

Последний вывод следует рассмотреть более подробно. Сам процесс правотворчества должен проходить таким образом, чтобы в результате нравственность находила свое отражение в правовых нормах, обеспечивая необходимую моральную основу для системы права, наполняя ее духовным, этическим содержанием. Здесь уместно вспомнить слова А.Ф. Кони о единстве «буквы» и «духа» закона⁷, т.е. о необходимости их гармоничного соотношения.

При этом правомерен вопрос: достаточно ли этого для достижения в правовой жизни справедливости, правды, добра? Естественно, ответ будет отрицательным, так как наличие самых гуманных, цивилизованных, справедливых законов еще отнюдь не означает достижения законности и правопорядка в обществе, отнюдь не гарантирует полноценного воплощения нравственных норм в жизнь, в правовые реалии.

Чего же не хватает? Для ответа на этот вопрос нужно сместить акцент в сторону самих субъектов права, т.е. участников правоотношений, их правосознания, и в первую очередь здесь следует обратить внимание на правоприменителя. Заложенные в законе нравственные начала только тогда могут быть реализованы в действительности и тем самым достичь своей цели, когда сам процесс правоприменения и его результаты будут нравственными. Во главе угла этой проблемы — правосознание правоприменителя. Поэтому только наличие связующих право и правосознание нравственных каналов, их общей моральной основы позволит толковать и применить закон таким образом, чтобы его нравственные начала воплотились в жизнь. Правоприменитель здесь — проводник нравственности в реальную правовую действительность.

Еще И.А. Ильин указывал на ценность духовного содержания и духовных состояний права, писал, что достоинство права есть достоинство духа, а без этого оно — лишь «обиходная условность, создаваемая слогом и спокойно уживающаяся с лицемерием и симуляцией»⁸. Поэтому понять право, почувствовать, осознать его духовную, нравственную природу, его

моральное назначение может только тот, кто обладает этой природой, кто сам является, по меткому выражению И.А. Ильина, «живым очагом духовного достоинства»⁹. Вследствие чего этот великий правовед и философ называл духовное достоинство глубоким корнем здорового правосознания¹⁰. При таком подходе становится очевидной важность прочной привязки правосознания к духовным, нравственным началам, что, в свою очередь, и обеспечивает его полноценную, гармоничную взаимосвязь с правом, их духовно-нравственную и легитимную корреляцию. Таким образом, представляется возможным включение в структуру правосознания наряду с правовой идеологией (интеллектуальный аспект) и правовой психологией (психологический аспект) еще одной составляющей — духовно-нравственного элемента. Причем он должен выполнять здесь системообразующую функцию, это корневое начало правосознания, питающее остальные его компоненты.

Если же связь права и правосознания только юридико-техническая, без обязательной нравственной составляющей, то понять моральный, духовный замысел законодателя и полноценно реализовать его правоприменитель не сможет. На практике для такой ситуации характерна, как указывал М.С. Строгович, утрата «живого чувства действительности... привычка к штампу, трафарету, безразличное отношение к судьбе человека»¹¹. В результате мы столкнемся лишь с формальным, механическим претворением в жизнь правовых норм или, как справедливо отмечал А.Ф. Кони, с автоматическим применением закона «по его буквальному смыслу»¹². Процесс правоприменения будет оторван от нравственных начал и может привести не к искомому целям, а к обратному — к несправедливости, злу и неправде. Соответственно, здесь и возможные ошибки в доказывании, высокая вероятность неправильной юридической оценки фактов, коррупционный потенциал и многое другое.

Поэтому одна из ключевых задач в правовой жизни — сохранение и укрепление нравственных начал права и правосознания, обеспечение на этой основе их гармоничного развития. Только в этом случае правовое регулирование общественных отношений будет осуществляться должным образом — на началах добра и справедливости.

При этом особую важность изложенный выше подход приобретает в сфере уголовного судопроизводства¹³, где проблема нравственности стоит наиболее остро. И дело здесь вот в чем. Уголовный процесс прежде всего призван к защите общества от преступных посягательств, к охране публичных интересов. Осуществляется эта защита путем справедливого разрешения уголовно-правового спора, т.е. рассмотрения вопросов о преступлении и наказании. По большому счету эти вопросы и составляют существо уголовного дела. То есть речь идет об опасных для всего общества правонарушениях и о чрезвычайно негативных и существенных мерах, применяемых государством к виновным в их совершении лицам. Как указывал Н.Н. Полянский, установление в каждом конкретном случае наличия или отсутствия у государства права на наказание лица как раз и является целью уголовного процесса¹⁴. Цена вопроса здесь

⁹ Там же. С. 152.

¹⁰ См.: там же. С. 151.

¹¹ *Строгович М.С.* Теория судебных доказательств // Строгович М.С. Избр. труды: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 42.

¹² *Кони А.Ф.* Указ. соч. С. 29.

¹³ О содержании такового подробнее см.: *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2022. С. 68–187.

¹⁴ См.: *Полянский Н.Н.* Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.

⁷ См.: *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Избр. произведения. М., 1956. С. 28.

⁸ *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 151.

очень высока и для обвиняемого, и для потерпевшего, и для всего общества. Метко выразился по этому поводу И.Я. Фойницкий, указав, что в ходе уголовного судопроизводства разрешаются «вопросы о наиболее важных благах общества и личности»¹⁵. Поэтому с точки зрения нравственности опасность представляет ситуация, когда какое-либо действие или решение правоприменителя в уголовном судопроизводстве противоречит велениям справедливости, идет в разрез с ней. Большой научный интерес вызывает точка зрения О.Л. Васильева, определяющего принцип справедливости в качестве системообразующего, центрального принципа уголовного процесса, который является при этом «руководящей, основополагающей, нормативно выраженной нравственной идеей»¹⁶.

Еще важно отметить, что именно в уголовном судопроизводстве права и свободы человека могут быть подвергнуты существенным ограничениям и до окончательного признания его виновным в совершении преступления. Вместе с тем потерпевший и все общество в целом нуждается в защите, которая будет действительна только в случае привлечения к ответственности действительно виновного лица и при одновременном отказе от уголовного преследования невиновных.

При этом анализ задач уголовного процесса позволяет выявить определенную их разнонаправленность, что выступает, в свою очередь, основным лейтмотивом или, если угодно, своеобразным «нервом» проблемы нравственности в уголовном судопроизводстве. Далее рассмотрим эту мысль более подробно.

Целевая нагрузка уголовного процесса неоднородна, так как, с одной стороны, перед ним стоит задача защиты публичных интересов, а с другой — интересов частных, т.е. защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

По-другому и быть не может, ведь если в приоритете будут исключительно индивидуальные права личности, а интересы общества отойдут на второй план, то ни о каком эффективном противодействии преступлениям говорить невозможно. Уголовный процесс немыслим без государственного принуждения, без ограничения прав и свобод личности, часто весьма существенного.

Вместе с тем обратная ситуация, когда права и свободы частных лиц будут игнорироваться в угоду защиты публичных интересов, вообще фатальна — это прямой путь к упразднению фундаментальных принципов уголовного процесса (презумпция невиновности, право на защиту и др.), к нарушению конституционных императивов о высшей ценности прав человека и обязанности государства их соблюдать и защищать, прямой путь к произволу и несправедливости.

Ясно, что в обоих случаях социальное предназначение уголовного процесса достигнуто не будет, т.е. общество не получит от него ожидаемого эффекта. Граждане заинтересованы в правопорядке, в результативной борьбе государства с преступлениями. Вместе с тем ни один человек не захотел бы лишиться своих процессуальных прав и гарантий в случае вовлечения его в эту «борьбу», т.е. в орбиту уголовного судопроизводства. Особенно если уголовное преследование от государства будет направлено на него самого. Налицо естественное столкновение общественных и частных интересов. То есть

нужно осуществлять уголовное преследование лица, но одновременно наделить его правом на защиту и конкретными инструментами для эффективной его реализации, необходимо применить к человеку меры принуждения и вместе с тем обеспечить его права и законные интересы и т.д. Причем разрешить этот «конфликт интересов» общества и личности однозначно, т.е. только в ту или иную сторону, невозможно.

Поэтому здесь необходимо достижение консенсуса: правильно определить режимы минимального ограничения прав личности в уголовном процессе и при этом обеспечить качественное, эффективное расследование и разрешение уголовных дел (чтобы избобличен и привлечен к ответственности был действительно виновный). Для этого нужно на государственном уровне соответствующим образом расставить приоритеты в области правового регулирования соответствующих общественных отношений. Этот вопрос лежит в сфере действия уголовно-процессуальной политики. В качестве ее основных направлений, причем направлений конкурирующих, в науке уголовного процесса выделяют, с одной стороны, всемерную защиту прав человека, а с другой — жесткую борьбу с преступностью¹⁷.

Здесь также уместно вспомнить известную работу американского правоведа Г. Пакера «Две модели уголовного процесса», где автор выделяет модель «контроля над преступностью» (Crime Control Model) и модель «надлежащего судебного процесса» (Due Process Model)¹⁸. В первой из них основной акцент сделан на необходимости прежде всего защищать публичный интерес, т.е. защищать общество от преступных посягательств, даже если для этого потребуется пожертвовать правами и свободами частных лиц. Вторая модель, еще именуемая в авторитетной отечественной научной литературе как модель «надлежащей правовой процедуры»¹⁹, в качестве первоочередной задачи определяет защиту прав и свобод граждан. Она осуществляется путем предоставления им максимального набора процессуальных гарантий в сфере уголовного судопроизводства. В первую очередь это касается обвиняемого и его возможности защищаться от уголовного преследования.

Подводя промежуточный итог, отметим следующее. Несмотря на естественную разновекторность, конкуренцию этих направлений уголовно-процессуальной политики, следует учитывать, что они никогда не встречаются «в чистом виде» и для них характерно постоянное взаимодействие в разного рода комбинациях. Его цель — достижение искомого баланса, гармонии общественных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

Представляется, что при всей важности вышеизложенного подхода к определению вектора развития уголовного процесса и, соответственно, цели уголовно-процессуальной политики ни в коем случае не должен быть проигнорирован нравственный аспект проблемы. Полагаем, что заострение внимания лишь на идеологической и юридико-технической составляющих не позволит добиться эффективного ее решения. По нашему мнению, именно нравственные начала уголовно-процессуального права и правосознания правоприменителя являются тем «связующим звеном» между публичным и частным интересом, которое может выступить основой для их оптимального, гармоничного соотношения, основой для искомого консенсуса. Ведь совершенствование права должно осуществляться при тесном его взаимодействии с моралью,

¹⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 8.

¹⁶ Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 11.

¹⁷ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 57.

¹⁸ См.: Packer H.L. Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. No. 1. P. 6.

¹⁹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 56.

обязательно с ориентиром на их телеологическую, аксиологическую конвергенцию.

То есть если смотреть на проблему с точки зрения нравственных целей и ценностей в уголовном процессе, то исследуемый «конфликт интересов» во многом сглаживается и теряет свою остроту. Но повторимся — при условии полноценного воплощения нравственных начал в уголовно-процессуальных нормах и в правосознании правоприменителя. Только в этом случае возможен справедливый, гуманный, нравственный уголовный процесс, в котором заинтересованы как общество в целом, так и каждый его член в частности.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: отечественная модель уголовного судопроизводства должна формироваться прежде всего с учетом нравственных потребностей общества и личности. Причем речь идет не о каком-то моральном «подтексте», а об ориентире первостепенного значения. Нравственный аспект должен выступать системообразующей категорией как российского уголовно-процессуального права, так и правосознания ведущих судопроизводство лиц. В этом случае будет уместно говорить о формуле или, если угодно, о «знаке качества» российского уголовного процесса: «нравственный правоприменитель — справедливое правосудие». Здесь уместно вспомнить и меткое выражение М.И. Клеандрова: «без справедливых судей справедливым правосудие не может быть в принципе»²⁰. Поэтому представляется, что именно благодаря полноценной нравственной составляющей уголовного судопроизводства возможно достижение искомого баланса публичного и частного интересов.

При этом сегодня нравственные начала находят свое воплощение, регламентацию не только в фундаментальных положениях, принципах российского уголовного-процессуального права (презумпция невиновности, право на защиту и в целом — концепция благоприятствования защите²¹ (*favor defensionis*), оценка доказательств в соответствии в т.ч. и с велениями совести, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, транспарентность судебного разбирательства, участие населения в отправлении правосудия, разумный срок уголовного судопроизводства и др.), но и в конкретных нормах и институтах, так сказать, на «переднем крае» уголовного процесса. В зависимости от наличия дискреционных полномочий ведущего судопроизводство лица соответствующие правовые положения можно сгруппировать следующим образом.

Во-первых, речь идет о правилах императивного характера, где правоприменитель действует в безальтернативном ключе. Например, по итогу предварительного расследования обвиняемому и его защитнику представляются для ознакомления все материалы уголовного дела (ст. 217 УПК РФ). Значение нравственного аспекта здесь сложно переоценить. В преддверии центральной стадии уголовного процесса — судебного разбирательства, где пройдет состязание сторон обвинения и защиты, осуществляющее уголовное преследование обвиняемого лицо раскрывает перед ним, если так можно выразиться, все свои карты. Делается это для полноценной реализации обвиняемым его права на защиту. С точки зрения целеполагания — шаг достаточно противоречивый, но именно нравственная составляющая действующих здесь процессуальных механизмов (презумпция невиновности, право на защиту, концепция *favor defensionis*) объясняет логику законодателя и выступает

необходимым средством достижения искомого консенсуса публичных и частных интересов.

Еще несколько примеров. Признание обвиняемым своей вины обязательно должно подкрепляться другими доказательствами (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Согласно положениям ч. 4 ст. 56 УПК РФ, свидетелю предоставлено право не давать показания против самого себя и близких ему лиц. Часть 3 ст. 184 УПК РФ содержит такое предписание: личный обыск гражданина осуществляется только лицом одного с ним пола. Аналогичное правило применяется и при производстве освидетельствования (ч. 4, 5 ст. 179 УПК РФ). Производство следственно-экспериментального возможно только при отсутствии опасности для здоровья участников этого следственного действия (ст. 181 УПК РФ). При обыске должно быть исключено не вызываемое необходимостью повреждение имущества (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). В случае смерти обвиняемого (подозреваемого) и при возражении его близких родственников против прекращения дела уголовный процесс продолжается для полноценного обеспечения права каждого на защиту своего чести и доброго имени, для реализации принципа охраны государством достоинства личности — в целом для возможной реабилитации умершего²² (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ).

Во-вторых, следует выделить положения, где правоприменитель наделяется дискреционными полномочиями — в этом случае особое значение для реализации нравственных начал соответствующих уголовно-процессуальных норм приобретает его правосознание. Приведем пример. Согласно общему правилу, производство следственных действий допускается только в дневное время, за исключением не терпящих отлагательства случаев (ч. 3 ст. 164 УПК РФ). Это предписание имеет нравственную направленность, оно стоит на страже личных интересов, и изъятия из него должны применяться в крайнем случае — только если промедление ставит под угрозу интересы расследования, т.е. публичный интерес. Перед правоприменителем здесь стоит нравственный вопрос, он должен распорядиться своей властью ответственно, разумно и гуманно, от его усмотрения зависит достижение баланса частных и общественных интересов в каждой следственной ситуации.

Список примеров можно продолжить — это и возможность прекращения дела ввиду примирения сторон (ст. 25 УПК РФ) или в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), и право прекратить уголовное преследование несовершеннолетнего лица с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ), и полномочия по проведению закрытого судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ), и многое другое. Ясно, что в деле достижения справедливости при реализации соответствующих правомочий во главе угла стоит вопрос об уровне развития правосознания правоприменителя, его нравственной зрелости.

* * *

В заключение отметим следующее. На наш взгляд, действительное совершенствование российского уголовного процесса возможно только тогда, когда основным критерием и вместе с тем вектором его развития выступает нравственность.

Например, глубокому осмыслению с позиции морали подлежит вопрос о возможности дознавателя не проводить полноценного расследования при признании подозреваемым своей

²⁰ Клеандров М.И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 9.

²¹ См., напр.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. С. 378–381.

²² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрова и Ю.Ф. Ващенко» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. II), ст. 4698.

вины (гл. 32¹ УПК РФ) — не является ли это реинкарнацией в современном уголовном процессе идеи о признании вины как о «царице доказательств»? Схожие опасения возможны и в отношении постановления приговора по результатам особого производства в суде при согласии лица с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Некоторые авторитетные процессуалисты открыто говорят о безнравственности этих уголовно-процессуальных институтов²³.

При этом огромное значение имеет и нравственная развитость, зрелость правосознания правоприменителя. Здесь сразу встает вопрос о масштабе и качестве правового воспитания будущих юристов, повышения правовой культуры последних. При этом необходимо сделать акцент и на их нравственном развитии, поэтому очевидна востребованность включения в предметную область исследования этих проблем еще и соответствующих психологических, педагогических, социологических и духовно-нравственных аспектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архангельский Л.М.* О характере морального сознания // Вопросы философии. 1964. № 5. С. 83.
2. *Васильев О.Л.* Нравственные начала уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 116.
3. *Васильев О.Л.* Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 11.
4. *Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М.* Доказывание в правосудии Российской Федерации. 6-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2022. С. 68–187.
5. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 151, 152.
6. *Клеандров М.И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 9.
7. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Избр. произведения. М., 1956. С. 28, 29.
8. *Куприна Н.Г., Масленникова С.Ф.* Современные подходы к содержательной разработке понятий «нравственность» и «мораль» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 77.
9. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2021. С. 56, 57, 378–381.
10. *Лукашева Е.А.* Право, мораль, личность. М., 1986. С. 4.
11. *Полянский Н.Н.* Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.
12. *Строгович М.С.* Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 7, 9.
13. *Строгович М.С.* Теория судебных доказательств // Строгович М.С. Избр. труды: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 42.
14. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 8.
15. *Шердаков В.Н.* Аксиология и этика. Тбилиси, 1967. С. 312.
16. *Шишкин А.Ф., Шварцман К.А.* XX век и моральные ценности человечества. М., 1967. С. 20.
17. *Packer H.L.* Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. No. 1. P. 6.

REFERENCES

1. *Arkhangelsky L.M.* On the nature of moral consciousness // Questions of philosophy. 1964. No. 5. P. 83 (in Russ.).
2. *Vasiliev O.L.* The moral principles of the criminal process // Judicial power and criminal procedure. 2018. No. 1. P. 116 (in Russ.).
3. *Vasiliev O.L.* Theoretical aspects of the principle of justice at the pretrial stages of the Russian criminal process: dis. ... Doctor of Law. M., 2018. P. 11 (in Russ.).
4. *Galuzo V.N., Kanafin N.A., Redkous V.M.* Proving in the justice of the Russian Federation. 6th ed., rev. and add. / ed. by V.N. Galuzo. M., 2022. Pp. 68–187 (in Russ.).
5. *Ilyin I.A.* On the essence of legal awareness. M., 1993. Pp. 151, 152 (in Russ.).
6. *Kleandrov M.I.* On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring justice // State and Law. 2021. No. 3. P. 9 (in Russ.).
7. *Koni A.F.* Moral principles in criminal proceedings // Koni A.F. Selected works. M., 1956. Pp. 28, 29 (in Russ.).
8. *Kuprina N.G., Maslennikova S.F.* Modern approaches to the meaningful development of the concepts of “morality” and “morality” // Modern problems of science and education. 2015. No. 4. P. 77 (in Russ.).
9. The course of criminal procedure / ed. by L.V. Golovko. M., 2021. Pp. 56, 57, 378–381 (in Russ.).
10. *Lukasheva E.A.* Law, morality, personality. M., 1986. P. 4 (in Russ.).
11. *Polyansky N.N.* The purpose of the criminal process. Yaroslavl, 1919. P. 21 (in Russ.).
12. *Strogovich M.S.* Problems of judicial ethics. M., 1974. Pp. 7, 9 (in Russ.).
13. *Strogovich M.S.* Theory of judicial evidence // Strogovich M.S. Selected works: in 3 vols. M., 1991. Vol. 3. P. 42 (in Russ.).
14. *Foynitsky I.Ya.* Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. I. P. 8 (in Russ.).
15. *Sherdakov V.N.* Axiology and ethics. Tbilisi, 1967. P. 312 (in Russ.).
16. *Shishkin A.F., Shvartsman K.A.* The twentieth century and the moral values of mankind. M., 1967. P. 20 (in Russ.).
17. *Packer H.L.* Two models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. No. 1. P. 6.

Сведения об авторе

МАЛИНА Максим Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

Authors' information

MALINA Maxim A. — PhD in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University; 88 M. Gorky str., 344002 Rostov-on-Don, Russia

²³ См., напр.: *Васильев О.Л.* Нравственные начала уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 116.